

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ:
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

CRIMINAL LAW AND
CRIMINOLOGY:
CRIMINAL EXECUTIVE LAW

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.31429/20785836-13-4-46-54>

ЮРИДИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ИНСТИТУТА ОСОБЕННОЙ ЧАСТИ УГОЛОВНОГО ПРАВА

Р.Г. Аслаян

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Аслаян Р.Г. Юридическое содержание института особенной части уголовного права. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2021;13(4):46–54. <https://doi.org/10.31429/20785836-13-4-46-54>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Аслаян Руслан Георгиевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (928) 845-70-33

E-mail: aslanyanruslan@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 10.11.2021

Статья принята к печати: 10.12.2021

Дата публикации: 29.12.2021

Аннотация: Актуальной целью современной науки выступает интеллектуальная поддержка процессов обеспечения системности уголовного права и законодательства. Для достижения поставленной цели необходимо решить задачи, связанные с рассмотрением подходов к определению содержания уголовно-правовых институтов, выявления формы их выражения и сферы действия. В рамках проведенного научного исследования сделаны следующие выводы:

– Содержание институтов особенной части уголовного права может быть адекватно раскрыто при условии соблюдения плюралистического подхода к пониманию права как такового; если генезис и социальное назначение правового института объясняется на основе преимуществ институционального подхода, а его социальное содержание и реальное действие – в рамках социологической интерпретации уголовного права, то для исследования юридического содержания института особенной части и его обособления от социального его содержания сохраняет свои возможности позитивистский подход к праву;

– Поскольку институт права есть элемент системы права, то содержательно он не может отличаться от системы в целом: однородность всех элементов права обеспечивает его системность и целостность. С точки зрения юридического позитивизма институт особенной части уголовного права включает в свое содержание лишь то, что входит в содержание права как такового, а именно нормативные правовые предписания и принципы;

– Различные по своему содержанию нормативные предписания, образующие институт особенной части уголовного права, могут получить объективизацию в разных юридических источниках отрасли уголовного права. Предписания, формулирующие основание уголовной ответственности и модель санкции, могут быть предусмотрены только и исключительно в федеральном уголовном законе, тогда как предписания дефинитивного характера, коллизионные и операциональные вполне могут получить закрепление на уровне иных источников уголовного права;

– Сфера институтов особенной части уголовного права может охватывать собой положения уголовного и административно-деликтного законодательства, как относящегося к единой «уголовной сфере».

Ключевые слова: уголовно-правовой институт, нормативные предписания уголовного права, правовые принципы, источники уголовного права, аналогия в уголовном праве, административно-деликтное законодательство.

LEGAL CONTENT OF THE INSTITUTE OF THE SPECIAL PART OF CRIMINAL LAW

Ruslan G. Aslanyan

FGBOU VO "Kuban State University"
(Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040)

Link for citation: Aslanyan R.G. Legal content of the Institute of the special part of criminal law. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2021;13(4):46–54. <https://doi.org/10.31429/20785836-13-4-46-54>

CONTACT INFORMATION:

Ruslan G. Aslanyan, Cand. of Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the FGBOU VO "Kuban State University"

Address: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Tel.: +7 (928) 845-70-33

E-mail: aslanyanruslan@mail.ru

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 10.11.2021

The article has been accepted for publication: 10.12.2021

Date of publication: 29.12.2021

Annotation: The actual goal of modern science is the intellectual support of the processes of ensuring the consistency of criminal law and legislation. To achieve this goal, it is necessary to solve problems related to the consideration of approaches to determining the content of criminal law institutions, identifying the form of their expression and scope. Within the framework of the conducted scientific research, the following conclusions were made:

– The content of the institutions of the special part of criminal law can be adequately disclosed, provided that a pluralistic approach to understanding law as such is followed; if the genesis and social purpose of a legal institution is explained on the basis of the advantages of an institutional approach, and its social content and real action are explained within the framework of a sociological interpretation of criminal law, then a positivist approach to law retains its possibilities for studying the legal content of the institution of the special part and its isolation from its social content;

– Since the institution of law is an element of the legal system, it cannot differ in content from the system as a whole: the uniformity of all elements of law ensures its consistency and integrity. From the point of view of legal positivism, the institution of a special part of criminal law includes in its content only what is included in the content of law as such, namely normative legal prescriptions and principles;

– Normative prescriptions of different content that form the institution of a special part of criminal law can be objectified in different legal sources of the branch of criminal law. Prescriptions that formulate the basis of criminal liability and the model of sanction can be provided only and exclusively in the federal criminal law, while prescriptions of a definitive nature, conflict of laws and operational may well be consolidated at the level of other sources of criminal law;

– The sphere of institutions of a special part of criminal law may cover the provisions of criminal and administrative-tort legislation, as related to a single "criminal sphere".

Keywords: criminal law institute, normative prescriptions of criminal law, legal principles, sources of criminal law, analogy in criminal law, administrative and tort legislation.

Введение

Вопрос о содержании уголовно-правового института особенной части уголовного права напрямую связан с пониманием права как такового. Если институт права есть элемент системы права, то содержательно он не может отличаться от системы в целом: однородность всех элементов права обеспечивает его системность и целостность, и институты права могут включать в свое содержание лишь то, что входит в содержание права как такового.

На страницах данной работы мы не можем входить в детальное обсуждение проблем, связанных с пониманием права в рамках различных подходов к его интерпретации. Отметим, что общий контур понимания права в современной российской науке, а равно общее направление теоретических дискуссий было задано еще в 30-е годы прошлого столетия в острых и идеологизированных дискуссиях о существовании права. В частности, известным противостоянием теорий А.Я. Вышинского и Е.Б. Пашуканиса.

Если А.Я. Вышинский (при всех идеологических оговорках и ссылок на марксизм) отстаивал нормативное видение права и определял его как «совокупность правил поведения, выражающих волю господствующего класса, установленных в законодательном порядке, а также обычаев и правил общежития, санкционированных государственной властью, применение которых обеспечивается всей принудительной силой государства в целях охраны, закрепления и развития общественных отношений и порядков, выгодных и угодных господствующему классу» [4, с. 27]. То Е.Б. Пашуканис, имея в качестве основы тот же марксизм, развивал социологическое понимание права. Он указывал, в частности: «Юридическое отношение – это первичная клеточка правовой ткани, и только в ней право совершает свое реальное движение. Право как совокупность норм наряду с этим есть не более как безжизненная абстракция. ... В материальной действительности отношению принадлежит примат над нормой. ... Право как объективное социальное явление не может исчерпываться нормой или правилом, все равно записанным или незаписанным. Норма как таковая, т.е. логическое содержание, или прямо выводится из существующих уже отношений, или, если она издана как государственный закон, представляет собой только симптом, по которому можно судить с некоторой долей вероятности о возникновении в ближайшем будущем соответствующих отношений» [12, с. 78–80]. Это противостояние нормативной и социологической концепции отчасти сохраняется сегодня, отчасти приводит к формированию интегративных теорий права, что находит прямое отражение в авторских построениях правовых институтов.

Методы исследования: аналитический, историко-правовой, типологический.

Научная дискуссия и результаты исследования

В современной уголовно-правовой науке нет единства мнений относительно содержания уголовно-правового института. Так, если В.П. Коняхин, исследуя уголовно-правовые институты, последовательно исходит из того, что они состоят лишь из «совокупности нормативных предписаний» [10, с. 164–168], тогда как Н.М. Казанцев, рассуждая о финансово-правовых институтах, отмечает, они образуют «устойчивую группу однородных общественных отношений» [8, с. 7]. Разграничивают «социальное» и «юридическое» в уголовно-правовых институтах В.Д. и О.В. Филимоновы. Под социальным содержанием уголовно-правового института они понимают общественные отношения, но не те, которые уже сложились в объективной действительности, а те, которые должны возникнуть под воздействием норм, образующих эти правовые институты; а под правовым содержанием – правовые нормы, объединенные смысловой связью, формирующей их общую социальную направленность [16, с. 150–152]. Напротив, интегрирует нормативный и социологический элемент уголовно-правового института М.С. Жук, включая в его содержание и нормативные предписания, и правоотношения, возникающие на их основе [7, с. 7–21].

Дискутировать с каждой из представленных точек зрения, на наш взгляд, вряд ли возможно без учета того очевидного обстоятельства, что каждая из них является продолжением авторского понимания права как такового. Критика же этих позиций может считаться допустимой и эффективной только в том случае, если мы примем соответствующее авторское понимание права. Определяя свое отношение к содержанию института особенной части уголовного права, отметим, что оно может быть адекватно исследовано лишь в контексте плюралистической методологии познания и осознания интервальных возможностей каждого из методологических подходов. В связи с этим, считаем возможным в качестве исходной методологической платформы продолжить использование нормативистского подхода к праву и ограничить содержание уголовно-правового института исключительно правовыми предписаниями.

Социальное содержание уголовно-правового института, безусловно важное, должно быть исследовано, однако в рамках принципиально иного научного направления, ассоциированного с социологией уголовного права. При этом, вопреки представленному выше мнению В.Д. и О.В. Филимоновых, предметом ее внимания должны стать не «потенциальные» отношения, которые должны возникнуть в связи с реализацией, заложенной в уголовно-правовой норме программы, а реальные отношения, «реальная жизнь» уголовно-правовой нормы, ибо предметом познания социологии не могут быть футуристические объекты. Вопреки же мнению М.С. Жука¹, полагаем, что социологическое содержание уголовно-правового института не может быть ограничено лишь уголовно-правовыми отношениями или практикой применения уголовно-правовых институтов. При таком подходе возможно исследование лишь одного из аспектов их функционирования, однако игнорируется социальное предназначение и роль в нормативной структуре общества. Нельзя изучать институт ответственности за преступления против собственности, исследуя только практику применения судами соответствующих правовых предписаний, без обращения к институту собственности как таковому, без познания степени его защищенности и без выявления существующих для собственности угроз безопасности. Таким образом, социальное содержание любого уголовно-правового института, в том числе института особенной части, по большому счету, выходит за пределы предмета науки уголовного права и требует для своего изучения качественно иных методических приемов и эмпирических источников. По этой причине в рамках нашей работы оно рассмотрено быть не может.

Ограничивая содержание института особенной части уголовного права исключительно нормативными предписаниями, стоит особо оговорить вопрос о роли и месте принципов права в этом содержании, с позиций которых, норма права есть всегда целостное правило поведения субъектов правоотношения [17]. Значимость принципов в праве не оспаривается, пожалуй, никем. Еще А.Я. Вышинский писал, что «нормы позитивного права, как и все позитивное право в целом, должны строиться в соответствии с началами, принципами, установленными теорией права» [4, с. 18]. Развивают эту мысль применительно к институтам права и современные теоретики права. «Для правового института специфичны определенные общие положения, принципы, специфические юридические понятия, определяющие особый режим регулирования», - утверждает А.С. Пиголкин [16, с. 466]. В отраслевых исследованиях настаивает на включении принципов в содержание уголовно-правового института М.С. Жук в своей диссертации, особо оговаривая при этом наличие принципов зафиксированных в тексте нормативных актов и принципов, не отраженных в правовых источниках, то есть доктринальных².

Вряд ли можно оспаривать тот факт, что принципы играют важнейшую роль на уровне права в целом и на уровне отдельных его институтов. Однако стоит отметить, что в науке не предпринимались масштабные усилия в направлении поиска принципов институтов особенной части уголовного права и раскрытия их содержания. Попытки исследователей, к примеру, проанализировать принципы криминализации отдельных видов общественно опасных деяний, по сути своей представляют не обоснование каких-либо специфических принципов, а анализ практики соблюдения общих принципов криминализации общественно опасных деяний применительно к различным сферам уголовно-правового воздействия. Однако, как обоснованно отметил Ж.Л. Бержель: «Общие принципы, от которых происходят юридические правила, не следует смешивать с институтами, которые они питают. ... Обеспечивая институты главной идеей и конечной целью, они не несут в себе ни конкретного их содержания, ни технического выражения» [2, с. 326–327]. На роль принципов отдельных институтов особенной части уголовного права общие принципы права не могут претендовать.

В целом можно уверенно утверждать, что вопрос о принципах институтов особенной части уголовного права остается все еще открытым. Таковые принципы должны быть, с одной стороны, общеобязательными, а с другой стороны, ограничивать свое проявление исключительно рамками того или иного института и не распространять своей действие на иные институты особенной части уголовного права (в противном случае они выйдут за рамки понятия «принцип правового института»). Стоит, однако, учитывать, что, если речь идет о принципах как элементе содержания права, они должны обладать также общими свойствами правовой материи, то есть быть, как минимум, общеобязательными и обладать регулятивными свойствами, способностью участвовать в

¹ Жук М.С. Институты российского уголовного права: понятие, система и перспективы развития: дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2013. С. 132.

² Жук М.С. Указ. соч. С. 128–129.

регулировании правоотношений. По этой причине однозначно и, пожалуй, категорично, нельзя согласиться с мнением М.С. Жука о том, что в разряд принципов уголовно-правовых институтов могут входить доктринальные идеи. Такие идеи не есть собственно принципы права, это элементы правового, научного мировоззрения, которые могут лишь косвенно участвовать в правовом регулировании, притом не прямо, а через сознание правотворческих и правоприменительных работников. Но правовое мировоззрение не есть еще право. На роль принципов могут претендовать лишь общеобязательные положения, составляющие фундамент права.

Если же говорить об «идеях», то они, как пишет Ж.Л. Бержель, могут, конечно, организовать вокруг себя некий институт права и выступать его «духовной основой», но эти идеи не есть принципы. [2, с. 313–314, 327]. Полагаем, что в данном случае «идеями» или «основой» выступает некий социальный интерес, который обуславливает, детерминирует сам факт наличия того или иного социального и правового института (как, например, интерес защиты детей формирует институт уголовно-правовой охраны семьи), а, следовательно, такая «идея» выходит за пределы юридического содержания права как непосредственного регулятора общественных отношений. Вне логической формы, обеспечивающей восприятие текста, смысл этого текста будет совершенно неясным [1].

С учетом сказанного, можем заключить, что юридическое исследование институтов особенной части уголовного права в рамках предмета уголовно-правовой науки должно быть ограничено изучением лишь их юридического содержания, в качестве которого могут выступать исключительно нормативные предписания и нормативные принципы. И по этой причине полагаем возможным (с поправкой на отмеченную интервальную возможность любой методологии познания и поправкой на очевидные различия между типичными предписаниями особенной части и нетипичными, к каковым и относятся принципы) поддержать тех теоретиков права, которые утверждают, что «правильное понимание юридической сущности, содержания и структуры системы права возможно лишь в рамках нормативного подхода к пониманию права как системы действующих в государстве юридических норм»¹, что «в структуре правового института неразличимы иные правовые образования, кроме юридических норм»².

Нормативная природа и содержание института особенной части уголовного права закономерно ставят вопрос относительно области поиска нормативных предписаний, составляющих институт. Он, в свою очередь, распадается на несколько связанных составляющих.

Во-первых, это проблема исчерпывающего перечня уголовно-правовых предписаний, а следовательно, и лимитированного в каждый конкретный момент времени объема уголовно-правовых институтов особенной части. Отечественной истории известен опыт функционирования института аналогии. Его недолгая поддержка законодателем и отдельными юристами, как известно, завершилась однозначной оценкой аналогии в качестве идеи, «враждебной особенной части Уголовного Кодекса» [14]. Применительно к нашей проблематике это означает, что гарантии принципа законности (ст. 3 УК РФ) предполагают запрет на произвольное конструирование уголовно-правовых предписаний правоприменительными органами и соблюдение законодателем требований правовой определенности при конструировании уголовно-правовых положений. При этом, однако, как указал Конституционный Суд РФ, «требования, предъявляемые к качеству уголовного закона, не означают, что при формулировании его предписаний не могут использоваться оценочные или общепринятые понятия (категории), позволяющие учесть необходимость эффективного применения уголовно-правовых запретов к неограниченному числу конкретных правовых ситуаций»³.

Не углубляясь в проблему качества и определенности уголовно-правовых предписаний, а равно в детальное обсуждение проблемы допустимости аналогии в уголовном праве подчеркнем следующее. Аналогия, по нашему мнению, есть лишь способ формулирования уголовно-правового предписания. Но допустимость его применения зависит: а) от субъекта, который им пользуется (законодатель, к примеру вполне активно использует прием аналогии для конструирования уголовно-правовых предписаний в особенной части УК РФ, достаточно посмотреть на статьи, которые посвящены противодействию терроризма и экстремизма, и которые, по сути, представляют собой

¹ Киримова Е.А. Правовой институт: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1998. С. 9.

² Петров Д.Е. Отрасль права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2001. С. 14.

³ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Марины Владимировны на нарушение ее конституционных прав частью второй статьи 213 Уголовного кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 23 октября 2014 г. № 2521-О. (Документ официально не опубликован).

некие параллельные ряды), б) от содержания самого предписания (по технике аналогии, к примеру, сформулированы правила квалификации всех преступлений, которые, согласно законодательной конструкции, «сопряжены» с иными посягательствами, достаточно вспомнить правила оценки деяний, предусмотренных п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ и п. «б» ч. 2 ст. 178 УК РФ). В этой связи надо признать, что предписания, образующие институт особенной части уголовного права, в принципе, могут быть сформулированы путем применения аналогии. Однако это правило имеет жесткое ограничение в виде запрета на конструирование судами предписаний, создающих непредусмотренные законом основания уголовной ответственности.

Вторая проблема, связанная с поиском нормативных предписаний, образующих институт особенной части уголовного права, связана с характеристикой источников (или иначе – внешних форм выражения) уголовного права. Вопрос этот получил детальное обсуждение в отечественной науке, что в известной степени избавляет нас от необходимости его самостоятельного анализа. Выражая свою поддержку идеи полиисточникового характера отрасли уголовного права, полагаем возможным без дополнительных аргументов присоединиться к точке зрения М.С. Жука о том, что различные по своему содержанию нормативные предписания, образующие институт особенной части уголовного права могут получить закрепление в различных по своему виду источниках уголовного права, а несоответствие вида нормативного предписания уровню источника, в котором оно закреплено, следует рассматривать как существенный дефект правотворчества¹. В связи с этим предписания, формулирующие основание уголовной ответственности и модель санкции, могут быть предусмотрены только и исключительно в федеральном уголовном кодексе, тогда как предписания дефинитивного характера, коллизионные и операциональные нормы вполне могут получить закрепление на уровне иных источников уголовного права.

И, наконец, третий аспект, связанный с областью поиска предписаний, составляющих институт особенной части уголовного права, связан с пониманием границ отрасли уголовного права. В уголовно-правовой литературе, с одной стороны, общепризнанным является мнение о том, что особенная часть уголовного права содержит только описание преступлений и наказаний [6]. Однако в современной российской науке этот вопрос с особенной остротой встал в связи с обсуждением проблемы соотношения уголовного и административно-деликтного права в свете концепции «уголовной сферы», разработанной в прецедентной практике Европейского Суда по правам человека. Статус административно-деликтного права как самостоятельной, формально обособленной, и по большому счету не связанной с уголовным правом отрасли [9, с. 126–135], в последнее время все активнее подвергается критической оценке, как с точки зрения дефектов самого административно-деликтного права, которое «замкнувшись» на себе и оторвавшись от уголовного права, стало развиваться по пути «расползания репрессивности» [11, с. 175–194], так и с точки зрения нарастающей рассогласованности предписаний уголовного и административно-деликтного права [3, с. 77–78], при том, что согласно позиции Конституционного Суда РФ, «административная ответственность и ответственность уголовная, будучи разновидностями публично-правовой ответственности, преследуют общую цель охраны публичных интересов, прежде всего таких как защита прав и свобод человека и гражданина, обеспечение законности и правопорядка», «имеют схожие задачи, принципы и тем самым дополняют друг друга»². Особенная часть уголовного права не должна содержать «банального» перечня преступлений, она должна содержать описание (в идеале – развернутое) признаков этих преступлений [13]. Это обстоятельство актуализирует вопрос о существовании уголовного права «в широком смысле», включающего в свой объем все предписания, дифференцированные в отрасли собственно уголовного и административно-деликтного права – возникает вопрос об уточнении границ уголовного права. Л.В. Головкин высказывается на этот счет вполне определенно. Он пишет: «российская система с советских времен закупила себя в сугубо формальном подходе к уголовному праву, сведенному исключительно к Уголовному кодексу, что вызвало, с одной стороны, кристаллизацию границ права, официально объявленного «уголовным», а с другой стороны – размывания границ права, не удостоенного такого наименования». Такое положение вещей аргументированно оценивается им весьма критически. Настаивая не на формальном, а на функциональном понимании уголовного права, Л.В. Головкин заключает:

¹ Жук М.С. Указ. соч. С. 139–143.

² По делу о проверке конституционности части 2 статьи 1.7 и пункта 2 статьи 31.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с запросом мирового судьи судебного участка № 1 Выксунского судебного района Нижегородской области: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2015 г. № 20-П // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2015. № 5.

«современное российское уголовное право не может более укрываться за формальным фасадом Уголовного кодекса»; «следует наконец-то отказаться от устаревшей советской концепции о том, что уголовное право содержится только в Уголовном кодексе – данная концепция реальности не соответствует. Отныне российская правовая система должна исходить из дуализма источников уголовного права: а) Уголовного кодекса, кодифицирующего на основе принципа «полноты кодификации» нормы о преступлениях и проступках; б) Кодекса мелких правонарушений, кодифицирующего нормы о правонарушениях при параллельном обсуждении вопроса, в какой мере реалистично также выстроить данный кодекс на основе принципа полноты кодификации» [5, с. 78, 85–86].

Очевидно, что обсуждение отраслевых границ уголовного права, теоретических основ, принципов и методики интеграции уголовного и административно-деликтного законодательства должно составлять предмет широкого и самостоятельного дискурса. Исследование же вопросов институционального строения уголовного права может выступать лишь следствием, вторым этапом решения принципиального вопроса о том, составляют ли эти отрасли единое правовое образование. С учетом этого обстоятельства, вполне логично рассуждать, что сфера институтов особенной части уголовного права может рассматриваться, с одной стороны, как сущее, то есть с предметным ограничением нормативных предписаний исключительно положениями УК РФ, и как возможное (или должное), то есть, исходя из признания единства природы уголовного и административно-деликтного законодательства. Полагаем, что именно второй подход в лучшей степени отвечает истинной природе уголовного права как публичной отрасли, призванной защитить общество от противоправных посягательств, обладающих общественной опасностью. Он же в большей степени отвечает задаче уголовного права защитить личность от необоснованных ограничений со стороны государственной власти. В силу этого на уровне теоретического анализа в качестве одного их элементов общей дискуссии о границах уголовного права вполне допустимо и оправданно говорить об институтах уголовного права (в том числе его особенной части) как о системе предписаний, в настоящее время рассредоточенных в УК РФ и КоАП РФ.

Заключение

– Содержание институтов особенной части уголовного права может быть адекватно раскрыто при условии соблюдения плюралистического подхода к пониманию права как такового; если генезис и социальное назначение правового института объясняется на основе преимуществ институционального подхода, а его социальное содержание и реальное действие – в рамках социологической интерпретации уголовного права, то для исследования юридического содержания института особенной части сохраняет свои познавательные возможности юридический позитивизм;

– Поскольку институт права есть элемент системы права, то содержательно он не может отличаться от системы в целом: однородность всех элементов права обеспечивает его системность и целостность. С точки зрения юридического позитивизма институт особенной части уголовного права включает в свое содержание лишь то, что входит в содержание права как такового, а именно нормативные правовые предписания и принципы, при условии, однако, что речь идет о принципах, которые обладают общими свойствами правовой материи, как минимум, общеобязательностью и способностью участвовать в регулировании правоотношений (принципы как идеи или как элемент правового мировоззрения частью содержания уголовно-правового института быть не могут);

– Различные по своему содержанию нормативные предписания, образующие институт особенной части уголовного права, могут получить закрепление в различных по своему виду источниках уголовного права. Предписания, формулирующие основание уголовной ответственности и модель санкции, могут быть предусмотрены только и исключительно в федеральном уголовном законе, тогда как предписания дефинитивного характера, коллизионные и операциональные вполне могут получить закрепление на уровне иных источников уголовного права;

– Сфера институтов особенной части уголовного права может рассматриваться, с одной стороны, как сущее, то есть с ограничением предметного содержания институтов исключительно положениями УК РФ и корреспондирующими им иными предписаниями, и как возможное (или должное), то есть, исходя из признания единства природы уголовного и административно-деликтного законодательства. Этот второй подход в лучшей степени отвечает истинной задаче уголовного права как публичной отрасли, призванной защитить общество от противоправных посягательств, обладающих общественной опасностью.

Список использованной литературы:

1. Alsafw N.A. Drafting Methods of Criminal legal texts. 1. Alsafw N.A. Drafting Methods of Criminal legal texts.

References:

- Journal Sharia and Law*. 2015;2015(62). Available at: https://scholarworks.uaeu.ac.ae/sharia_and_law/vol2015/iss62/4
2. Бергель Ж.Л. Общая теория права / под общ. ред. В.И. Даниленко. М.: Nota Bene, 2000.
3. Взаимодействие уголовного и административно-деликтного права / под ред. Ю.Е. Пудовочкина, Н.И. Пикурова. М.: РГУП, 2017.
4. Вышинский А.Я. Основные задачи науки советского социалистического права. *Советское государство и право*. 1938;(4).
5. Головкин Л.В. Границы уголовного права: от формального к функциональному подходу. *Библиотека криминалиста. Научный журнал*. 2013;(2).
6. Engisch K. Einführung in das Juristische Denken. 9 Aufl. Stuttgart: Kohlhammer; 1997.
7. Жук М.С. Понятие и признаки института уголовного права. *Российский ежегодник уголовного права*. 2011;(3-5).
8. Институты финансового права / под ред. Н.М. Казанцева. М.: Юриспруденция, 2009.
9. Кирилин А.В. Уголовное и административно-деликтное право: партнерство, а не патернализм. *Библиотека криминалиста. Научный журнал*. 2013;(2).
10. Коняхин В.П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. СПб.: Юридический Центр Пресс, 2002.
11. Никонов М.А. Автономное значение понятия «уголовное обвинение» в практике Европейского Суда по правам человека. *Российский ежегодник Европейской конвенции по правам человека*. 2016;(2).
12. Пашуканис Е.Б. Общая теория права и марксизм (3-е изд., 1929) // Пашуканис Е.Б. Избранные произведения по общей теории права и государства. М.: Наука, 1980.
13. Simons K.W. Understanding the Topography of Moral and Criminal Law Norms. In: Duff R.A. and Green S. «*Philosophical Foundations of Criminal Law*». Oxford University Press; 2011.
<https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199559152.003.0011>
14. Пионтковский А. Полностью разоблачить порочные положения Вышинского в теории советского уголовного права. *Социалистическая законность*. 1962;(7):10–15; Тагер А.С. Проблема законности в Уголовном кодексе РСФСР. *Право и жизнь. Журнал, посвященный вопросам права и экономического строительства*. 1922;1.
15. Теория государства и права / под ред. А.С. Пиголкина, Ю.А. Дмитриева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Высшее образование, 2008.
16. Филимонов В.Д., Филимонов О.В. Институт права. Институт уголовного права. Институт уголовно-исполнительного права. М.: Юриспруденция, 2014.
17. Weisberg R. Norms and Criminal Law and the Norms of Criminal Law Scholarship. *Stanford Law School, Public Law Working Paper*. 2003;(60).
<http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.426880>
- Journal Sharia and Law*. 2015;2015(62). Available at: https://scholarworks.uaeu.ac.ae/sharia_and_law/vol2015/iss62/4
2. Bergel J.L. [General theory of law] / under total. ed. IN AND. Danilenko. M.: Nota Bene, 2000. (In Russ.)]
3. [The interaction between criminal and tort law] / ed. Yu.E. Pudovochkina, N.I. Pikurov. M.: RGUP, 2017. (In Russ.)]
4. Vyshinsky A. Ya. [Main tasks of the science of Soviet socialist law]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo = The Soviet state and law*. 1938;(4). (In Russ.)]
5. Golovko L.V. [The boundaries of criminal law: from formal to functional approach]. *Biblioteka kriminalista. Nauchnyi zhurnal = Library of criminalist. Scientific journal*. 2013;(2). (In Russ.)]
6. Engisch K. *Einführung in das Juristische Denken*. 9 Aufl. Stuttgart: Kohlhammer; 1997.
7. Zhuk M.S. [The concept and features of the Institute of Criminal Law]. *Rossiiskii ezhegodnik ugovolnogo prava = Russian Yearbook of Criminal Law*. 2011;(3-5). (In Russ.)]
8. [Institutes of financial law] / edited by N.M. Kazantsev. M.: Jurisprudence, 2009. (In Russ.)]
9. Kirin A.V. [Criminal and administrative-tort law: partnership, not paternalism]. *Biblioteka kriminalista. Nauchnyi zhurnal = Library of Criminalist. Scientific journal*. 2013;(2). (In Russ.)]
10. Konyakhin V.P. [Theoretical foundations of the construction of the General part of the Russian Criminal law]. St. Petersburg: Law Center Press, 2002. (In Russ.)]
11. Nikonov M.A. [Autonomous meaning of the concept of "criminal prosecution" in the practice of the European Court of Human Rights]. *Rossiiskii ezhegodnik Evropeiskoi konventsii po pravam cheloveka = Russian Yearbook of the European Convention on Human Rights*. 2016;(2). (In Russ.)]
12. Pashukanis E.B. [The general theory of law and Marxism (3rd ed., 1929)] // Pashukanis E.B. Selected works on the general theory of law and the state. M.: Nauka, 1980. (In Russ.)]
13. Simons K.W. Understanding the Topography of Moral and Criminal Law Norms. In: Duff R.A. and Green S. «*Philosophical Foundations of Criminal Law*». Oxford University Press; 2011.
<https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199559152.003.0011>
14. Piontkovsky A. [To fully expose the vicious provisions of Vyshinsky in the theory of Soviet criminal law]. *Sotsialisticheskaya zakonnost' = Socialist legality*. 1962;(7):10–15. (In Russ.); Tager A.S. [The problem of legality in the Criminal Code of the RSFSR]. *Pravo i zhizn'. Zhurnal, posvyashchennyi voprosam prava i ehkonomicheskogo stroitel'stva = Law and Life. Journal devoted to issues of law and economic construction*. 1922;1. (In Russ.)].
15. [Theory of state and law] / ed. A.S. Pigolkin, Yu.A. Dmitrieva. 2nd ed., rev. and add. M.: Higher education, 2008. (In Russ.)].
16. Filimonov V.D., Filimonov O.V. [Institute of Law. Institute of Criminal Law. Institute of Penal Enforcement Law]. M.: Jurisprudence, 2014. (In Russ.)].
17. Weisberg R. Norms and Criminal Law and the Norms of Criminal Law Scholarship. *Stanford Law School, Public Law Working Paper*. 2003;(60).
<http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.426880>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Асланян Руслан Георгиевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры
уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО
«Кубанский государственный университет»
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0149-3081>

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ruslan G. Aslanyan

Cand. of Sci. (Law), Associate Professor of the
Department of Criminal Law and Criminology of the
FGBOU VO "Kuban State University"
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0149-3081>